

АЛЕКСАНДР ТРОФИМОВ

A person in an orange jacket stands on a snowy mountain peak, looking out over a vast sea of clouds. The sun is setting or rising, casting a warm orange glow over the scene. The person is positioned in the center of the frame, standing on the ridge of the mountain. The clouds are thick and white, filling the valley below. The sky is a mix of orange and blue, with the sun low on the horizon.

5642

метра над собой

повесть

Александр Трофимов

5642 метра над собой

<https://litres.ru/74000984>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он всю жизнь выбирал самый безопасный путь. Пока не решил, что его самая большая вершина - это не отчёт за квартал, а 5642 метра над уровнем моря.

«5642 метра над собой» это история о мужчине, который решил доказать себе, что ещё не «засох». О жене, которая учится отпускать, чтобы не потерять. И о горе, которая не прощает гордыни, но щедро награждает тех, кто приходит к ней с уважением. Книга для всех, кто хоть раз смотрел в потолок и думал: «Неужели это всё?». Нет, не всё. Просто пора сделать первый шаг.

Александр Трофимов

5642 метра над собой

ПРОЛОГ

5 642 метра. 14 августа. 10:14

На западной вершине Эльбруса ветра нет. Есть дыхание горы, низкое, утробное, всепроникающее, рождающееся в гигантской каменной чаше седловины

Между Западной и Восточной вершинами, воздушные потоки сталкиваются лоб в лоб, закручиваются в спираль и вырываются к высшей точке Европы, усилившись до звенящего, потустороннего крещендо. Это голос пространства, звук запредельной пустоты, которая начинается сразу за ослепительной кромкой снега и уходит в чернильную синеву стратосферы.

Здесь, на высоте пяти с половиной тысяч метров, воздух сух, как прокалённый песок, и колюч. В нём почти нет жизни для человеческих лёгких, но есть хрустальная чистота, из-за которой мир обретает нереальную чёткость. Далёкие хребты, лежащие на сотню километров вокруг, кажутся нарисованными тушью: резкие, зубчатые линии на грани ослепительного света и абсолютной тени. Закавказские равнины, покрытые дымкой, проступают смутным миражом - воспо-

минанием о другом мире, где есть тепло, зелень и воздух, которым можно надышаться.

Андрей Соколов стоит на вершине, широко расставив ноги в жёстких высокогорных ботинках, и по его обветренному, обожжённому ультрафиолетом лицу текут слёзы. Он не чувствует их. Кожа на щеках давно потеряла чувствительность. Двадцатидвухградусный мороз - это только то, что показывает термометр. С учётом ветра, который здесь никогда не стихает, температура ощущается как все минус сорок. За сорок минут, прошедших с момента, когда он ступил на вершинное плато, этот ледяной ветер превратил его лицо в тугую онемевшую маску. Он ощущает только как влага застывает кристалликами в уголках век, как эта ледяная тяжесть холодит скулы, словно к ним приложили серебряные монеты.

Это безмолвный, тектонический плач, который идёт не из глаз, а откуда-то из самой сердцевины, из потаённого места в груди, чуть левее сердца, которое восемь долгих месяцев назад пронзила одна фотография в ленте новостей. Фотография человека, стоявшего точно так же.

Боль в теле никуда не делась, она перестала быть главной. Ноет каждая связка, каждый сустав, каждая мышца, о существовании некоторых сорокатрёхлетний менеджер по логистике, еще совсем недавно и не подозревал. Ноги, прошагавшие несколько часов подряд в пластиковых ботинках, гудят и вибрируют. Лёгкие горят от ледяного разреженного кисло-

рода. Каждый вдох - маленькая победа.

Но боль где-то на периферии. Главное - тишина. Тишина, которая громче всего, что он слышал за сорок три года. Она плотная, звонкая, сотканная из гула ветра и биения собственного, измученного, но живого сердца. В этой тишине нет места вчерашнему дню. Нет душевной переговорной. Нет планёрки у вечно недовольного Максимова. Нет ипотеки, кредита за «Киа» и сломанного замка в бардачке.

Есть только ветер, поющий ему свою бесконечную песню. И ослепительная равнина, ниспадающая крутыми склонами прямо в молочное море.

Сейчас облака стелются под подошвами его ботинок. Их верхняя кромка подсвечена розовым утренним солнцем, и они кажутся невозможно тёплыми, почти живыми.

Андрей стоит выше облаков. Выше суеты, выше привычного мира, выше самого себя, того прежнего, диванного. И от осознания - не гордости, нет, гордость осталась где-то на последних метрах скал Пастухова, а от щемящего чувства обретения чего-то очень давно потерянного, слёзы текут всё сильнее, беззвучно растворяясь в заиндеветшей балаклаве.

Он достаёт из нагрудного кармана маленький, холодный, чёрный с белыми прожилками камень. Он подобрал его на высоте 4700 метров. Снимает верхонку, нестерпимый холод обжигает пальцы за считанные секунды. Андрей садится на корточки и медленно, почти ритуально кладёт камень на снег в центре вершинного плато. Рядом с десятками таких

же скромных подношений - монет, фотографий, выцветших флажков. Отныне и его часть навсегда останется здесь. Взамен гора оставила свою часть в нём.

Сквозь ледяную пелену, сквозь гул ветра, он вспоминает жёлтое пятно над кухонной плитой. Оно было там месяцами, как молчаливый укор, как символ всего, что он откладывал «на потом». Теперь он знает: закрасит. Обязательно закрасит.

В двадцати шагах от него, окутанный облачком пара, стоит Руслан. Их гид.

- Гора - не стадион, - говорит он, не поворачиваясь. - Не место, где ставят рекорды. Гора - зеркало. Смотришь в него, а видишь себя.

Руслан бросает взгляд на часы. Десять минут. Он дарит им десять минут здесь, на крыше Европы. Его негласный, щедрый подарок.

Через десять минут Руслан подаст знак. Короткий кивок. И Андрей, разжав кулак и оставив камень на снегу, навсегда изменившийся человек, начнёт долгий спуск.

Глава 1. Жизнь в горизонтальном положении

Андрей Николаевич Соколов просыпался ровно в 7:15 утра, по вбитому в организм одиннадцатую годами офисной службы.

За окном, во дворе-колодце, жизнь была немного более

реальной. Михалыч, пенсионер с первого этажа, выгуливал свою таксу Лорда, длинное, как сарделька, невозмутимо-философское создание. Дворничиха тётя Зина подметала пыль. Воробьи купались в луже у трансформаторной будки. Обычная жизнь обычного спального района, где ничего не происходит и, кажется, уже не произойдёт никогда.

«Надо бы выйти погулять после работы», - думал Андрей, стоя над раковиной с кружкой чая.

После работы он не гулял. После работы он ел ужин под аккомпанемент телевизора и ложился на диван.

Диван был большой, светло-серый, с электрическим механизмом реклайна. Дорогой, купленный пять лет назад в кредит.

- Инвестиция в качество отдыха, - сказал он тогда Наташе, и она засмеялась, шутливо толкнув его в плечо. Сейчас диван оправдал все инвестиции. Он принял форму тела Андрея. Андрей подозревал, что, если он вдруг исчезнет, диван сохранит его отпечаток навсегда. Как след динозавра в юрском глинозёме. Только менее почётно.

Рост - метр восемьдесят два. Вес - девяносто шесть килограммов. Двое детей: Антон, пятнадцать лет, угловатый подросток, увлечённый МОВА-играми, и Маша, одиннадцать лет, рыжая, шустрая, с россыпью веснушек на переносице, единственный человек во вселенной, который говорил ему «папа, ты лучший» без всякого повода, пробегая мимо в прихожей.

Маша говорила это, потому что верила. Андрей не верил. Он давно не думал о себе словом «лучший». Он думал о себе словами «нормально», «справляюсь», «в общем, ничего».

В тот вечер, который всё изменил, он лежал на диване с телефоном в руке. Был конец октября, за окном моросил противный мелкий дождь. На кухне Наташа гремела посудой, в ритме этого звона слышалась усталость. Антон сидел за компьютером. Маша спала, обнявшись с медведем, у которого было оторвано одно ухо. Телевизор показывал что-то про ремонт квартиры на каком-то острове.

Андрей скроллил ленту. Дефицит бюджета балтийского муниципалитета. Кот, который три дня прятался в стиральной машине. Пост Лёхи Зарубина, тот делал ремонт и выкладывал семь фотографий кухонной столешницы. «Подсветка снизу - это не понты, это образ жизни», - написал Лёха. Андрей читал это, и в висках начинала пульсировать тупая боль - не от раздражения, от бессмысленности. И тут палец замер на полпути к свайпу.

Фотография остановила его, как удар тока. Ослепительно-белая вершина. Небо такой пронзительной, кобальтовой синевы, какой не бывает внизу, цвета, который он видел последний раз в детстве. И на переднем плане человек в оранжевом, словно факел, пуховике. Он стоял, подняв руку в неуклюжем, толстом от перчаток кулаке. Лица не было видно за лыжной маской, но в фигуре, в победном жесте читалась такая чистая, незамутнённая радость, что у Андрея за-

щемило в груди. Подпись гласила: «Эльбрус, западная вершина, 5642 м. 12 часов подъёма. 44 года. Первый раз в горах. Можно».

Сорок четыре года. Первый раз. Можно. Денис из Новосибирска был старше него на год. Один год, а уже стоит на вершине.

Андрей отложил телефон экраном на живот, словно боясь обжечься. Уставился в потолок. Там виднелась тонкая, как паутина, трещина. Он видел её сотни раз, но не замечал. Потом взял телефон снова.

И в голове зазвучал голос. Хрипловатый, надрывный, с той особой, берущей за душу интонацией. Высоцкий.

«Лучше гор могут быть только горы, на которых ещё не бывал...»

Андрей замер. Он не слышал этой песни лет двадцать. Она всплыла откуда-то из глубин памяти, как старая пластинка, которую находишь на антресолях. Гитара, рубленая мелодия, и слова, от которых вдруг перехватило горло. Он лежал и смотрел на фотографию, а в ушах звучало: «Кто здесь не бывал, кто не рисковал - тот сам себя не испытал...»

Ведь он никогда не бывал. Никогда не рисковал. Никогда сам себя не испытывал. Вся его жизнь была чередой безопасных, выверенных решений. Он выбирал не лучшее, он выбирал наименее рискованное. И что в итоге? Диван. Жёлтое пятно над кухонной плитой, которое не закрашено уже полтора года. «Сделаю потихоньку». А где-то там, на высоте

пяти с половиной километров, стоял обычный мужик, продавец автозапчастей из Новосибирска, и улыбался, глядя на мир сверху вниз.

Андрей отложил телефон и посмотрел на потолок. Вон Вадик из соседнего отдела, год назад купил «Харлей». Дорогой, тяжёлый, с рёвом, от которого у бабушек на лавочке прихватывает сердце. До этого Вадик ездил на «Логане» и боялся скорости. А теперь каждые выходные кожаная куртка, бандана, маршрут в никуда. Говорит, только на трассе чувствует, что жив. Жена переживает. А он всё равно садится.

Сергей Лунёв, с которым они вместе начинали в логистике, тот вообще ушёл в отрыв. Сначала парашют, потом винг-сют, потом бейсджампинг с моста в Сочи. Андрей видел его видео: камера на шлеме, земля размывается в стремительном полёте, мелькают лишь неясные очертания склонов и реки, свист ветра, и Серёгин смех сумасшедший, детский, счастливый. «Ты понимаешь, - рассказывал он при встрече, - когда летишь, думать некогда. Вообще. Ты просто точка в пространстве». Андрей тогда подумал: «Псих».

Игорь из тренажёрного зала, которого он видел пару раз, тот купил себе эндуро и мотается по горам Алтая один. Без связи, без трекеров. Может, вернётся, может, нет. «Жена меня уже похоронила, смеялся он. А я воскрес. Два раза. Третий будет самым весёлым».

И все они - нормальные мужики. Менеджеры, инжене-

ры, программисты. У всех - ипотека, дети, бывшая или нынешняя жена, которая не понимает. И всем под сорок или за сорок. Словно какой-то вирус просыпается в этом возрасте. Вирус, который шепчет: «У тебя осталось не так много. Успей. Рвани. Иначе засохнешь».

Кризис среднего возраста. Так это называют психологи. Андрей читал об этом. Последняя, отчаянная попытка организма доказать самому себе, что ты ещё жив, что ты не просто функция, не просто ячейка в таблице, не просто «нормально, справляюсь». Последний бунт плоти и духа перед тем, как окончательно смириться и начать стареть - плавно, без рывков, как спускают воду в ванне.

Но почему этот бунт так часто связан с риском для жизни? Почему самореализация в сорок три года почти непременно пахнет адреналином и опасностью? Почему недостаточно просто купить абонемент в бассейн или начать собирать марки? Почему душа требует именно высоты, холода, края?

«Это природа так задумала? - думал Андрей, всё ещё глядя в потолок. - Или это какая-то ошибка в нашей эволюционной прошивке? Мужская особь, достигшая пика репродуктивного цикла и передавшая гены потомству, должна доказать своё право на существование, совершив нечто выходящее за рамки. Пройти испытание. Заглянуть за грань. И либо вернуться - с новым статусом, с новой силой, - либо не вернуться вовсе, уступив место более молодым и дерзким.

Андрей сел на диване. Провёл рукой по лицу. А ведь он

ни разу не рисковал. Ни разу не сделал ничего, от чего перехватывало бы дыхание. Его самый большой риск - сходить на «рыбный четверг» в столовой, когда там была подозрительная запеканка.

«Может, и во мне спит этот вирус? - подумал он. - Или я уже безнадёжен?»

Вместо ответа в голове заиграло: «Лучше гор могут быть только горы...»

Он вспомнил, как Наташа недавно обмолвилась за ужином, между делом, словно невзначай: «А помнишь, мы в Питер хотели? На белые ночи...» Он тогда отмахнулся: «Да, надо бы как-нибудь». И забыл. Она - нет. Она вообще много чего не забывала, просто молчала.

Андрей рывком сел на диване. Пружины жалобно скрипнули. Нашёл аккаунт этого человека, Денис, мелкий предприниматель из Новосибирска. Набрал коротко: «Вы реально первый раз в горах были?»

Ответ пришёл через двадцать минут: «Реально. Я вообще даже в фитнес-зал не ходил никогда. Решил и пошёл. Пишите, если что - отвечу».

Андрей написал «Спасибо» и отключил телефон. Лёг, повернулся лицом к спинке дивана.

В голове, в многолетней тишине, что-то завелось. Новый ритм, частый, неровный, но уже не диванный. Андрей лежал и слушал его, и в такт ему пульсировали три слова:

«5642 метра».

«44 года».

«Можно».

За стенкой, в спальне, Наташа ворочалась и не спала, он слышал её дыхание. А завтра с утра - снова этот диван, снова кофе из автомата, снова Кириллов с его вечными претензиями. Но теперь внутри было что-то новое. Что-то, что не уйдёт с утренним сном.

Глава 2. Первый поиск

На следующее утро Андрей Соколов появился на работе ровно в 9:00, как и всегда. Повесил пальто, сменил туфли, налил кофе из автомата в коридоре, бурду с привкусом пережжённого пластика, которую все ругали, но продолжали пить. Открыл почту. Семь непрочитанных писем. Кириллов, его зам, уже сидел за своим столом и с кем-то ругался по телефону.

Всё было как всегда. Но сам Андрей был не как всегда.

За ночь у него изменился угол зрения, на миллиметр, но этого хватило, чтобы весь привычный, годами выверенный мир слегка поплыл, потерял незыблемую геометрию. Он отвечал на письма, подписывал накладные, всё на автопилоте, пока сознание было занято одним образом: белая вершина, оранжевый пуховик, синее небо.

В 15:30, когда Кириллов вышел покурить, Андрей впервые за одиннадцать лет открыл браузер не для рабочих нужд

и набрал: «Эльбрус восхождение с нуля».

Интернет ответил немедленно и с пугающей щедростью. Вкладки открывались одна за другой. Статьи, форумы, ролики с названиями вроде «ЭЛЬБРУС 2023 / ВЕРШИНА ЕСТЬ», аккаунты гидов с загорелыми лицами, сайты турфирм, блоги одиночек. Андрей читал запоем, жадно, как читают в юности запрещённую литературу.

Эльбрус. Двуглавый потухший вулкан в Кабардино-Балкарии. Западная вершина - 5642 метра, высшая точка России и всей Европы, если считать по Большому Кавказскому хребту. Между вершинами - седловина на 5416 метрах, ложбина, продуваемая такими ветрами, что фирн отполирован до состояния кости.

Он узнал, что первое задокументированное восхождение на Восточную вершину состоялось в 1829 году. Экспедиция Российской академии наук под руководством генерала Эммануэля. В составе - учёные, военные, казаки, балкарские проводники. Вершины достиг только один человек - кабардинский охотник Килар Хаширов. Остальные повернули назад, не выдержав высоты и разреженного воздуха. Килар же дошёл. Один. Ему было около сорока лет.

Андрей откинулся в офисном кресле и усмехнулся. Сорок лет. Бурка. Палка. Никакого гортекса, никаких мембран, никаких пульсоксиметров. Просто человек и гора. И человек победил.

На форуме «Risk.ru» он завис надолго. Ветка «Эльбрус

первый раз после 40 - реально ли?» разрослась до двадцати с лишним страниц. Один написал как исповедь: «Реально, я пошёл в 47. С первой попытки не дошёл - погода. Со второй – разворот почти у вершины. С третьей дошёл. И знаете что? Это того стоило. Каждая попытка того стоила. Я стал другим человеком за эти два года». Другой добавил коротко: «Главное - не возраст, а голова и планомерная подготовка. Голова важнее ног».

В самом конце ветки Андрей наткнулся на комментарий, от которого что-то дёрнулось в груди. Оставлен несколько часов назад, в 2:47 по московскому времени. Время, когда не спят только влюблённые, сумасшедшие и люди, у которых только что рухнула вся жизнь. «Тоже думаю. Мне 44. После развода. Хочу доказать себе, что ещё не всё. Может, кто посоветует с чего начать? В.»

Ник был анонимный, без аватара, без подписи. Просто буква «В.» и короткий, отчаянный текст, затерявшийся среди двадцати страниц обсуждения. Никто не ответил. Сообщение висело в полной тишине, как забытый на вокзале чемодан.

Андрей навёл курсор на «ответить», и замер. Что написать? «Держись, мужик»? Слишком банально. «Я тоже думаю»? Слишком личное. Он закрыл вкладку. Но мысль об этом незнакомце осталась - занозой, которая не болит, но и не забывается.

Потом статья про горную болезнь отрезвила его.

Гипоксия. Когда парциальное давление кислорода падает катастрофически, лёгкие работают вхолостую, клетки организма начинают медленно голодать. Отёк лёгких, человек захлёбывается собственной плазмой, розовая пена на губах, хриплое kloкочущее дыхание. Отёк мозга, ткани разбухают, вклиниваясь в затылочное отверстие, вызывая галлюцинации, паралич, кому. Лечение одно: немедленный спуск, дексаметазон, кислород. Если не успеть - смерть.

Андрей потёр висок. Ещё немного почитал. Маршрут с юга: поляна Азау - 2350 метров, канатная дорога, «Бочки» на 3800, акклиматизационные выходы, штурм с часа ночи. Десять-четырнадцать часов непрерывной работы при минус двадцати-тридцати, на пределе человеческих возможностей.

Он закрыл браузер, очистил историю - зачем-то, словно заметал следы, - выключил компьютер и пошёл домой.

По дороге к парковке он внезапно остановился у лестницы бизнес-центра. Семь ступенек. Он проходил по ним дважды в день уже девять лет. Поднялся медленно, засёк время на телефоне. Восемь секунд. Спустился, поднялся снова, через ступеньку. Пять секунд. Засмеялся, негромко, с горьким привкусом самоиронии.

«Семь ступенек. Всего семь. А там, на Эльбрусе, десятки часов».

В машине, по пути домой, он вдруг подумал: а что, если тот аноним «В.» - это не просто случайный ник? Может, за ним стоит кто-то, кто сейчас сидит в пустой квартире и тоже

смотрит на стену? Или уже начал?

Он подумал: надо бы ответить. Коротко. По делу. Про медосмотр, про бассейн, про воду. Вдруг поможет. Но было уже за полночь, и он закрыл ноутбук, так и не решившись.

Вечером, когда Наташа уже ушла в спальню, он долго сидел на кухне, листая форумы. Потом закрыл ноутбук и вышел на балкон. В лицо дышал холодный ноябрьский ветер. Где-то там, за серыми московскими крышами, стояла гора. Она не звала его. Но он уже знал: он посмотрит на неё снова. И не отведёт взгляда.

Глава 3. Ночные чтения

Неделю спустя вечерний ритуал семьи Соколовых претерпел неожиданное изменение. Андрей больше не ложился на диван в одиннадцать часов. Вместо этого он садился за кухонный стол, когда Наташа, убрав посуду и пожелав ему спокойной ночи с той усталой интонацией, что давно заменила им обоим нежность, уходила в спальню. Открывал ноутбук и начинал читать.

Кухня в эти часы становилась его кельей. Холодильник мерно гудел, иногда щёлкал терморегулятором, и этот звук стал для Андрея чем-то вроде камертона ночных бдений. Чайник на плите остывал, и он заваривал себе новую кружку, не чувствуя вкуса, просто чтобы занять руки.

Он прочитал двадцать три отчёта о восхождениях. Два-

дцать три человеческих истории от первого лица. Один, видимо, инженер или программист, писал как технический отчёт: «День 1. Прибыли на поляну Азау. Подъём на КД "Мир". Самочувствие удовлетворительное, пульс 90, сатурация 88. Ужин - гречка с тушёной. Сон». И за сухим перечнем огромное, сдерживаемое напряжение. Человек прятался за цифры. Андрей понял его хорошо. Сам иногда прятался за Excel.

Другой писал так, что у Андрея мурашки шли по рукам. «Я не понимал, где заканчиваюсь я и начинается гора. Нас разделяли только кошки и трекинговые палки. Белая мгла вокруг, ветер, который выл так, что я не слышал собственного дыхания, и вдруг, разрыв в облаках, и солнце. Я сделал шаг, потом ещё шаг, потом ещё и понял, что больше не могу. И тогда я сделал следующий шаг. Это всё, что я понял о жизни».

Андрей перечитал это место три раза. «Это всё, что я понял о жизни». Восемь слов. В них - всё.

Он нашёл историю про 1942 год. Немецкие горные егеря из дивизии «Эдельвейс» поднялись на обе вершины Эльбруса и установили нацистские флаги. Потом, в феврале 1943-го, советские альпинисты поднялись на вершину и сняли их. Зимой. Под угрозой артобстрела и лавин. С обмороженными руками, в штормовках поверх гимнастёрок. Не ради славы - ради чести.

«Вот люди», - думал Андрей, закрывая вкладку. Молодые

суровые лица смотрели на него с чёрно-белых фотографий. Перебинтованные щёки, следы обморожения.

Он нашёл историю про слепого парня из Челябинска, который взошёл на Западную вершину с помощью друга, ориентируясь только на звук его голоса. Про женщину из Хабаровска, которая через год после химиотерапии, с молитвой и оранжевым платком на лысой голове, задыхаясь, доползла до вершины. Написала в блоге: «Я хотела доказать раку, что он не победил. Я доказала».

И нашёл историю про человека, который не дошёл. Всего триста метров, жалких триста, не дотянул до вершины, повернул назад и написал одну фразу: «Это было самое правильное решение в моей жизни. Гора никуда не денется. Я вернусь».

Андрей долго сидел, глядя в тёмное окно. Мужество - это не только способность идти вперёд, несмотря ни на что. Это ещё и способность остановиться вовремя. Признать, что гора сегодня сильнее. И уйти, чтобы вернуться.

В одну из таких ночей, когда часы показывали 01:42, в кухню тихо вошла Наташа. В старом махровом халате. В руке - стакан с водой. Волосы растрёпаны, лицо припухшее со сна.

- Ты чего не спишь? - спросила она охрипшим голосом. - Третий час ночи, Андрей.

- Читаю, - сказал он, не отрываясь от экрана.

- Что?

Он развернул к ней ноутбук. Статья с большой фотографией ледника: «Высотная акклиматизация: что происходит с телом на 5000 метрах».

- Про Эльбрус.

Наташа поставила стакан на стол с тихим стуком стекла о клеёнку. Посмотрела на мужа, долго, изучающе. Подперла щеку ладонью, жест, который Андрей помнил ещё с института. Так она сидела на лекциях, когда пыталась сосредоточиться на чём-то важном.

- В смысле «про Эльбрус»?

- Я хочу подняться. - Андрей произнёс это вслух. Впервые. Вслух. Жене.

Тишина на кухне повисла такая плотная, что её можно было потрогать. Даже холодильник перестал гудеть. Ветер за окном на секунду стих.

- Ты серьёзно?

- Наташ, я не знаю, - он потёр лицо ладонями. - Может, серьёзно. Может, это блажь. Кризис среднего возраста. Но я не могу перестать об этом думать. Я просыпаюсь и думаю. На работе, на планёрке - думаю. Смотрю на лестницу в подъезде и прикидываю, сколько нужно подняться на восьмой этаж с рюкзаком, чтобы имитировать набор тысячи метров. Это как вирус. Понимаешь?

Она взяла его кружку с остывшим чаем, отпила немного, поставила обратно.

- Хорошо, - сказала она наконец, выдыхая это слово как

облачко пара. - Расскажи мне.

И он рассказал. Впервые не себе в голову, а живому человеку. Про фотографию в оранжевом пуховике. Про Дениса из Новосибирска. Про Килара Хаширова в бурке. Про обмороженных советских альпинистов сорок третьего года. Про тридцать открытых вкладок, которые он сворачивает, когда в офис заходит Кириллов. Про семь ступенек и восемь секунд.

Наташа слушала. Не перебивала, не задавала вопросов, не смеялась, не закатывала глаза. Просто слушала, подперев щеку ладонью. Когда он закончил и замолчал, уставившись на свои руки, она спросила только одно:

- Тебе страшно?

- Очень, - выдохнул Андрей. - Мне так страшно, что иногда думаю: а не бросить ли всё это прямо сейчас? Пока не поздно.

Она кивнула, медленно, один раз. Этот кивок мог означать всё что угодно.

- Пойдём спать? - предложила она наконец.

- Иди. Я ещё немного почитаю.

Наташа ушла, тихо притворив за собой дверь. Андрей остался один. Смотрел на погасший экран ноутбука, на своё отражение в тёмном окне. Потом снова открыл ноутбук и набрал: «Эльбрус снаряжение для новичка цена».

Цены кусались. Хороший пуховик стоил как крыло от подержанного «Соляриса». Высотные ботинки - как отдых в Турции.

Но он продолжал читать. Продолжал сохранять закладки. Потому что страх, поселившийся в нём с той минуты, как он увидел фотографию, был уже не просто страхом. Он был вызовом. И где-то в глубине души Андрей знал, что вызов этот он уже принял.

Спать он не лёг вовсе. Когда за окном начало светать, он всё ещё сидел за столом. Чайник давно остыл.

Он пойдёт. Он ещё не знал, как и когда, но он уже знал, что пойдёт. Потому что впервые за много лет перестал быть «нормальным». Он стал собой.

Перед тем как выключить ноутбук, он зашёл на тот форум - нашёл старый комментарий анонима «В.», оставленный в три часа ночи. Написал коротко: «В., если ещё читаешь. Начинать лучше всего с медосмотра и бассейна. Потом ходьба, потом горы, для начала можно Южный Урал или Крымские яйлы. И пей воду. На высоте нужно пить больше, чем кажется нужным. Удачи».

Отправил. Закрыв ноутбук.

За окном серело. Наташа в спальне дышала ровно. Где-то за стеной заворочался Антон, пора в школу. Андрей встал, размял затёкшую шею и пошёл ставить чайник.

Глава 4. Цена поддержки

Три недели спустя до Андрея начало доходить, что любое большое дело имеет не только ценник в рублях, но и цену в

отношениях.

Он вернулся домой в половине девятого вечера - мокрый от пота, с красным обветренным лицом. На спине болтался старый армейский рюкзак, набитый бухгалтерскими отчётами прошлого года и парой гантелей. Он только что три раза поднялся на свой восьмой этаж и спустился, с грузом, через ступеньку, считая шаги. Ноги гудели, в висках стучало, но внутри разливалось давно забытое чувство - приятная, заработанная, честная усталость.

Наташа сидела на кухне с телефоном. Перед ней стояла кружка с чаем.

- Поел бы - разогрей, - сказала она, не поднимая глаз. Голос был ровный, но в нём звенела тонкая натянутая струна.

- Наташ, извини, - Андрей скинул рюкзак в прихожей, тот глухо шмякнулся. - Я на лестнице задержался. Три полных круга с весом! Представляешь?

- Представляю, - она всё ещё не поднимала глаз. - Ты теперь всегда где-то задерживаешься. То на лестнице, то на пробежке. Я уже привыкла.

Он зажёг конфорку под кастрюлей с супом. Тишина стала вязкой. На плите, чуть выше вытяжки, расплзлось то самое жёлтое пятно, след прошлогодней протечки от соседей сверху. Наташа как-то сказала: «Надо бы закрасить». Андрей тогда кивнул, но руки не дошли. Уже полтора года пятно висело над плитой, как молчаливый укор. «Надо бы», - подумал он сейчас. И осознал: «надо бы» стало главным словом его

жизни за последние годы.

- Маша сегодня плохо себя чувствовала, - сказала Наташа тем же бесцветным тоном. - Температура тридцать семь и три. Антон двойку получил по алгебре. Я одна тут с ними. Кручусь как белка.

- Почему не позвонила?

- А что бы ты сделал? - она наконец подняла взгляд, и в её серых глазах не было злости. Было хуже - глухая, застарелая усталость. - Слез бы с лестницы? Сказал бы своим гантелям: «Извините, у меня дочь заболела»?

Это прозвучало не злобно. Бесконечно, неизбывно устало. Андрей выключил конфорку.

- Наташ...

- Что, Андрей? - она смотрела на него, и в её взгляде была не просто усталость - глубокая, почти окаменевшая обида. - Ты сбегаешь. От нас. От меня. От детей. От того, что тебе здесь скучно.

- Мне не скучно, - сказал он наконец. - Здесь всё нормально. Но я... я чувствую себя живым. Когда готовлюсь. Когда иду по этой лестнице с рюкзаком. Читаю про акклиматизацию, про ветры. Это не значит, что дома я мёртвый. Просто там я понимаю, что я есть. Не то, что я делаю - а то, что я есть.

Наташа долго, очень долго смотрела на него. Потом про-изнесла медленно:

- Слышишь, что ты сейчас сказал? Что дома ты не пони-

маешь, что ты есть.

- Я так не говорил.

- Нет. Но я это слышала.

Она встала, вылила чай в раковину резким движением. У двери в коридор обернулась и посмотрела, долгим, сложным, многослойным взглядом, в котором смешалось всё: любовь, страх, обида, надежда, усталость.

- Разбирайся, - сказала она тихо. - Только помни, пожалуйста, что пока ты там разбираешься, мы здесь. Дети здесь. Я здесь. Мы не горы. Мы не умеем ждать вечно.

Дверь в спальню закрылась почти бесшумно.

Андрей остался на кухне один. Ел остывший рассольник прямо из кастрюли, стоя над раковиной, и думал. Наташа права. Права в главном: он действительно сбегает. От быта, от ответственности, от рутины. Но права она и в другом: он впервые бежит к себе. К тому человеку, которого потерял много лет назад. И обе мысли жили в нём одновременно, как два разных человека под одной крышей, которые не могут договориться.

Через два дня он, проходя мимо хозяйственного магазина у метро, остановился и купил тюбик клея для обоев. Принёс домой, положил в ящик с инструментами. Не закрасил ещё, но клей уже был. Маленький, почти незаметный шаг. Но он его сделал.

Он ещё не знал, что до вершины оставалось девять месяцев. И что самая трудная часть пути, не физическая, только

начиналась.

Глава 5. Пятно над кухонной плитой

Два дня спустя после того тяжёлого, неоконченного разговора, в четверть первого ночи, Наташа стояла у кухонного окна и смотрела во двор.

Спать не хотелось. Сон пришёл и ушёл, оставив после себя только вязкую, тягучую усталость и неприятный, металлический привкус во рту. Она накинула старый, махровый халат, вышла на кухню, машинально включила свет над плитой и тут же его выключила. Яркий, безжалостный свет резал глаза и обнажал всё то, что она так старалась не замечать днём. Крошки на столешнице, которые она забыла вытереть после ужина. Жирные разводы у пластиковых ручек плиты - старый «Гефест» давно требовал генеральной чистки. И это проклятое пятно, расползшееся над вытяжкой.

Пятно было старым, жёлто-коричневым, с неровными, как береговая линия на карте, краями. Оно появилось прошлой зимой, когда у соседей сверху лопнула труба отопления. Они уже два раза собирались красить, даже краску купили, но руки так и не дошли. Всё находились дела поважнее. Или не дела, а усталость, которая после работы, после детей, после ужина и посуды оставляет тебя без сил даже на то, чтобы просто открыть банку с краской.

Андрей спал. Последние недели он засыпал мгновенно,

без церемоний, без долгих ворочаний и вздохов. Едва коснувшись головой подушки, он отключался, как солдат после марш-броска. Она слышала его ровное, глубокое дыхание из-за неплотно прикрытой двери спальни. Раньше, в прошлой, «диванной» жизни, он ворочался, листал телефон до часу ночи. Теперь он спал. А она - нет.

Дети тоже спали. В Машинной комнате горел ночник в форме единорога, слабый, розоватый свет, который девочка требовала не выключать. Антон, судя по тишине за его дверью, наконец-то выключил компьютер, или сидел в наушниках, в своём собственном мире, куда родителям вход был запрещен уже давно.

Двор внизу был пустым и синеватым от фонарей. Осенний асфальт блестел после дневного дождя, отражая свет окон. У помойки, уютно устроившись на крышке старого ящика, сидел рыжий кот, замер, как маленький сфинкс, глядя в темноту. На той стороне двора в одном окне горел свет, кто-то ещё не спал. У этого чужого окна, как и у неё, была своя бессонница.

Наташа взяла телефон, повертела в руках. Потом, решившись, набрала номер Иры. Подруга ответила после второго гудка, у них была давняя, ещё с института, договорённость: если звонишь после полуночи, значит, не для болтовни о погоде и скидках в супермаркете. Значит, надо.

- Привет, - голос у Иры был хрипловатый, но бодрый, как у человека, который только что отложил книгу и ещё не лёг.

- Всё нормально?

- Да. Нет. Я просто... - Наташа запнулась, подбирая слова. Прислонилась лбом к холодному оконному стеклу. Стекло приятно холодило разгорячённую кожу, и она на секунду закрыла глаза. - Он снова пришёл поздно. С рюкзаком, мокрый, довольный. Как щенок, которого выпустили побегать. Маша болела, а он даже не спросил. Сказал: «Я три круга по лестнице сделал. С весом. Представляешь?» Я стою, смотрю на него и не знаю, радоваться мне или плакать.

- Поссорились?

- Не то чтобы. - Наташа вздохнула. - Я не злюсь. Правда. Я рада, что он это делает. Я вижу, он другой стал. Встаёт раньше, говорит иначе, смотрит иначе. В нём появилось что-то, чего не было лет десять. Он перестал сутулиться, ты представляешь? Это хорошо. Я понимаю, что хорошо. Но...

- Но что?

- Просто иногда я думаю: кто меня спрашивает? - произнесла она наконец, и от произнесения этой мысли вслух ей стало одновременно и легче, и горше. - Не про гору спрашивает. Вообще. Как я. Чего я хочу. О чём я мечтаю. Есть ли у меня вообще мечты. Я стою у окна в час ночи и понимаю: я не помню, когда последний раз мечтала. Не планировала отпуск, ремонт, что купить детям к школе, а именно мечтала. Как в детстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.